

А.И. Верховский

**ОСНОВЫ ПОДГОТОВКИ
КОМАНДИРА**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 030
ББК 92
А11

А11 **А.И. Верховский**
Основы подготовки командира / А.И. Верховский – М.: Книга по Требованию,
2021. – 84 с.

ISBN 978-5-458-62501-2

Работа делает первый шаг в области построения методологии тактики,
отвечающей требованиям подготовки армии в современных условиях.

ISBN 978-5-458-62501-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г Л А В А I.

Тактическая подготовка командира перед мировой войной.

Подготовка к ведению войны в военной школе мирного времени имеет свою длинную историю, которую нам сейчас необходимо знать для того, чтобы взять от прошлого все полезное и не повторить старых ошибок.

До середины XIX века существовало во всех армиях, особенно во французской¹⁾, сильное течение, совершенно отрицавшее пользу военно-научной подготовки мирного времени. Сторонники этого учения проповедывали, что изучать войну можно только на опыте войны. Солдаты и начальники, участвующие в боях, считались единственными носителями знания. Далее полагали, что наиболее одаренные люди овладевают этим опытом войны сразу, путем вдохновения, „интуитивно“, а дураки все равно ничему не выучишь. Поэтому всякая научная подготовка к войне вообще представлялась бесполезной и военно-научная работа была в заgone.

Но в это же время было и другое течение, стремившееся изучить войну и найти законы, руководящие ею.

Выработка теоретического искусства. Ум искал порядка в бесконечно сложных явлениях войны, искал „науки побеждать“, которую можно было бы изучать еще в мирное время, готовясь к войне.

Первые попытки, которые должны быть отнесены к концу XVIII века, были, как это и естественно, уродливы²⁾. Стремилась создать точные, поддающиеся расчету, построения и при помощи этих построений овладеть стихией войны, подобно тому как счет в арифметике дает возможность внести порядок в наши отношения к внешнему миру, определять вес, меру, а углы и фигуры в геометрии -- определять площади

¹⁾ Фохт „Принципы войны“, стр. 10.

²⁾ Лерер „Метод военных наук“, стр. 1.

и объемы. Достичь этого можно было при умышленном упрощении войны.

Наиболее яркой попыткой такого рода была стратегическая система Биолова в той ее части, где он пытается дать указания по вождению армий; исходя из основного положения, что армии могут существовать только при помощи магазинов, Биолов приходил к выводам о решающем значении „угла операции“ (угол, образуемый двумя линиями от оконечностей базы к объекту операции). Отсюда придавалось огромное значение действиям на сообщениях неприятеля и т. п., так неудачно осуществленным в первой части похода 1812 г. в России по идеям Пфуля¹⁾.

Все эти системы рушились одна за другой, ибо точные расчеты не в состоянии были охватить и определить все те силы и возможности, которые действуют на войне. Однако, желание упорядочить представление о войне, учить, как побеждать, было настолько велико, что вслед за одной системой, потерпевшей крушение, создавалась другая, более совершенная; таким образом постепенно выработалась теория военного искусства, имевшая практическое значение.

Что же в руководстве войной может быть изучено по книгам? Что понимать под названием теории военного искусства?

Военные писатели редко останавливались в своих трудах над определением теории. Фош, путем ссылки на целый ряд авторитетов (Ллойд, Бюжо, Жомини, Пейкер, Драгомиров), просто устанавливал, что теория существует. Шлихтинг ограничивался указанием на необходимость и возможность существования теории. Более подробно останавливается над этим вопросом Леер. Если не считать Леера, то первым, кто дал ясное представление о том, чему в военном деле возможно научиться по книге, был Клаузевиц. Он определил тактику, как часть теории военного искусства, изучающую „употребление вооруженных сил в бою“ („Война“, стр. 7). Теория, по его мнению, не должна претендовать на звание положительного учения — она не может указать, как действовать (стр. 22), но она должна дать: 1) понимание природы войны, 2) уяснить свойства средств, имеемых в распоряжении, 3) указать вероятные последствия их действий. Она должна

¹⁾ В кратком изложении можно ознакомиться с этим планом Пфуля в „Обзоре войн России“ под редакцией Леера, т. I, стр. 357.

Характеризуя это течение военной мысли, Клаузевиц (книга II, глава II, „Теория войны“, стр. 14) пишет: „Появилось стремление установить для дела ведения войны „правила“, основания и даже системы. Стремилась к цели положительной, не уяснив себе те неоскощаемые трудности, которые представляет дело войны в этом отношении. Война, как мы указали, расплывается во все стороны, не находя определенных рубежей. Между тем каждая система, каждое научное строение уместается в тесных границах синтеза. Это и указывает непримиримое противоречие такой теории с практикой“.

изучать: 4) природу (?) целей и внести в войну свет разумной критики, 5) правила и основы должны служить подспорьем, но не вехами, точно указывающими путь. Сверх этого, в главе 4-й Клаузевиц выдвигает к теории требования выработки — 6) принципов и 7) метода. Под принципом он понимает: „закон для деятельности, но не в формальном и окончательном значении; он в применении предоставляет больше свободы там, где разнообразие действительного мира не поддается окончательной форме закона“.

Методом Клаузевиц называет постоянно повторяемый способ действий, годный на средне вероятный случай.

Важнейшей заслугой Клаузевица был разрыв с теориями, строившими расчет на одном или другом элементе войны.

Поскольку это можно было сделать в начале XIX века, он пытался взять войну в целом; он внес в изучение войны „свет разумной критики“, требования не ограничиваться внешними поверхностными признаками, но определить так называемую „природу“ войны. Этой теме посвящена первая книга его труда „О войне“. Но что понимать под словом „природа“ войны?

Так, Клаузевиц следующим образом определял „природу“ войны; приводим некоторые из признаков:

1) Крайнее напряжение сил, добиваясь победы максимальным усилием („О войне“, кн. I, стр. 9).

2) Крайнее применение силы, не стесняясь ничем (стр. 6, кн. I).

3) Главенствующее значение моральных сил (кн. III, стр. 14).

4) Значение сосредоточения сил к решающей точке (кн. III, стр. 263 и 264 и т. д.).

Эти общие руководящие „идеи“ позволяли ориентироваться в бесконечно сложных вопросах войны.

Однако, надо сейчас же указать и на ту опасность, которая таилась в „идеях“ Клаузевица. Идеалистическая философия эпохи Клаузевица считала, что эти общие идеи (см. Челпанов „Введение в историю философии“) создаются нашим рассудком; этим самым человек дает природе нечто такое, чего у нее нет. Он придает ей закономерность. Такая исходная точка зрения в практической работе таила большие опасности.

Если человек силой своего гения давал природе, фактам, вещам свои законы, то, естественно, внимание изучающего и должно было сосредоточиваться на изучении „идей“, которым „вещи“ подчиняются.

Между тем в действительности человек способен путем наблюдения заметить те отношения, которые существуют в действительности между „вещами“. И если „вещи“ будут изменяться (а они постоянно изменяются), то изменятся и от-

ношения, т. е. те идеи или та „природа“, которую создавал Клаузевиц.

Эту теснейшую зависимость между „вещами и идеями“ Клаузевиц оставляет в тени. Поэтому совершенно неизбежно ученики Клаузевица должны были отстать от развития жизни и оказаться на войне с „идеями“, не отвечающими реальной действительности, и с этой точки зрения самодовлеющая „природа“ войны, заменившая собой простое понятие причинной зависимости между „вещами“ и фактами“, является вреднейшей метафизикой; она отводит внимание изучающего войну в область абстракций, приписывает им силу, которая на самом деле является лишь неотъемлемой принадлежностью реальной действительности.

Так, например, теория Клаузевица отводит видное место человеку, влиянию моральных факторов и т. п.

Однако, как это ни странно, изучая человека, как основной „элемент“ войны, он брал его вне времени и пространства, видя в войне действие слепых сил природы. Классовая принадлежность бойца, заинтересованность в целях войны, которая так ярко выступает в истории войн, вызванных французской революцией, не изучалась. Человека брали оторванно от той политической обстановки, в которой строилось мировоззрение, и которое определяло его отношение к войне, а отсюда его мужество в бою, твердость в исполнении долга, готовность к самопожертвованию. В представлении Клаузевица и его последователей, вплоть до мировой войны, политика кончалась там, где начиналась война, и это делало все рассуждения о моральной стороне войск беспочвенными, а самое понимание психологии боя крайне ограниченным¹⁾.

Один из критиков Клаузевица — полковник Гро-Лон²⁾ (Деволу) — пишет, что в работе его „О войне“ метафизика расцветает пышным цветком.

Разделяя для удобства классификации единое понятие на ряд категорий, он не дает себе труда вновь собрать их в одно целое и поэтому у его учеников мы встречаем резкие грани, глубокие рвы между понятиями там, где в действительности мы имеем дело с двумя сторонами одного и того же явления.

Такой ров выкопан Клаузевицем между моральными и материальными силами; между маневренной и крепостной войной; между значениями главного и второстепенного театра, и трудно не согласиться с этой критикой; метафизичность этих построений бьет в глаза. В действительности таких граней нет. Хорошее вооружение, сытое довольствие немедленно влияют на подъем духа войск. Установить, когда борьба под

¹⁾ См. работы Ардан дю-Пика, Головина, Лорингофена, Драгомира, Киркова и т. п.

²⁾ Colonel Gros Long (Pierre Devoluy) „De la connaissance de la guerre“.

Плевной из полевой войны сделалась крепостной, невозможно. Итальянский театр в 1796—97 годах, после побед Бонапарта, из второстепенного театра сделался главным и послужил базой, откуда был направлен удар в сердце Австрии, удар, окончивший войну.

Таким образом, важнейшей заслугой Клаузевица было: 1) внесение порядка в исследование войны, 2) привлечение внимания к необходимости установления причинной связи между явлениями войны, установление общих идей, из которых надо исходить при оценке обстановки.

Эти идеи, говоря известной фразой, „позволяли каждый раз установить то звено цепи, за которое надо ухватиться, чтобы всю цепь потянуть в нужном направлении“.

Клаузевиц создал „теорию войны“, но в этой теории 1) самодовлеющее значение „идей“, отрывавшееся от реальной действительности, и 2) расчленение понятий на отдельные, не связанные друг с другом, величины было вреднейшей метафизикой, грозившей самыми тяжелыми последствиями.

Основания, на которых была построена теория военного искусства Клаузевица, в различных вариантах мы встречаем и дальше во всей европейской литературе; но мы смело можем ее принять за руководящую мысль, по которой строилась теория перед мировой войной. Лишь Драгомиров внес важное дополнение: теория, по мнению Драгомирова, должна дать не только исследование боевых свойств войск, но в той же мере изучать методы их подготовки.

Итак, теория тактики, которую можно изучить, слагается в убеждении довоенных писателей из:

1) Выявления „природы войны“.

2) Изучения свойств тех различных средств, которые употребляются на войне, придавая особое значение факторам моральным.

3) Правил использования этих средств, годных на средние вероятный случай.

4) Принципов.

5) Метода работы.

При этом нужно отметить, что все крупные теоретики настойчиво предупреждают не смотреть на указания теории, как на рецепты, годные на все случаи, на шаблоны. Они стремятся убедить в том, что надо смотреть на теорию, лишь как на руководящее указание, маяк, путеводную звезду (Клаузевиц).

Однако, высказав такую глубоко верную мысль, все авторы, за крайне редкими исключениями, переходят к ряду категорических и неоспоримых утверждений, в которых связь между свойствами „вещей“ и „явлений“ остается в тени, а на первое место выступает командующая идея, высказываемая в гораздо более категорической форме, чем у Клаузевица.

Возьмем Шлихтинга, одного из наиболее видных теоретиков германской армии. Он прямо пишет: „Теория имеет практическое значение лишь в том случае, если она дает положительное учение“ (стр. 1, Современная тактика) и это положительное учение понимается им в выработке таких „вечных истин“, которые были верны в 1870 г., но уже не были ими, когда автор писал свой труд. Например: (стр. 9) „Раз тактическая связь неприятельских сил налицо — порвать их нельзя“, (стр. 17) „Открытая равнина стала самым трудным препятствием для атакующего. Личная разведка теперь невозможна“ (стр. 65 и т. п.). Перечень этих истин, верных в одних случаях и совершенно ошибочных в других, можно продолжить до бесконечности и у любого автора; „идеи“ даются: а) вне связи с обстановкой, а без этого они теряют свое жизненное значение, б) в окончательной, не подлежащей изменению, во всех случаях верной форме.

У Леера этой системе дано и теоретическое оформление. Леер пишет: „Факты создаются и управляются идеями“¹⁾.

Вредная сторона этой системы была в том, что люди, заучив „идею“, забывали, что они являются лишь отражением того или другого свойства боевых элементов или организационным приемом, позволявшим эти свойства использовать. Центр тяжести подготовки переносился на изучение готовых шаблонов и форм, а самое изучение жизни отходило на второй план.

Практически в армиях всех стран, в большей или меньшей мере, влияние этого течения сводилось к следующему. Наиболее талантливые офицеры в тиши кабинетов „вырабатывали идеи“. Эти идеи в виде научных трудов, уставов и наставлений передавались к обязательному изучению, а затем исполнению войскам, которым оставалось тщательно изучить устав и от общих, выработанных теорией положений, итти к частным случаям действительной жизни.

Курс стратегии Леера²⁾ был, например, по его словам, „сборником нескольких аксиом и теорем, сведенных в одну стройную систему и имеющих целью выяснить „неизменную сущность“, природу элементов и их отношения к бесконечно изменчивой (силы врага, время, местность, воля врага) обстановке“.

Французская школа, ушедшая далеко вперед в использовании прикладного метода, в построении руководящих идей, шла по той же дороге, утверждая устами Фоша: „теория войны существует. На первый план она ставит принципы. Практическое изучение войны заключается в приложении

¹⁾ Леер „Коренные вопросы“, стр. 5.

²⁾ Леер „Стратегия“, том I, стр. 6, изд. 1898 г.

принципов к частным случаям" ¹⁾). Отсюда невольно рождались косность мысли и бюрократизм.

Как иначе понять поразительное заблуждение одного из выдающихся военных мыслителей конца XIX века Драгомирова, долгое время боровшегося против введения в русскую армию скорострельной винтовки ²⁾, пулемета, щита для оружия, на том основании, что эти новые средства возбуждают самосохранение бойца. Это противоречило принципу, что „решающим фактором борьбы является дух человека“. Действительные свойства, большая сила поражения пулемета, укрытие прислуги орудия щитом, затушевывались в представлении Драгомирова и его единомышленников искусственным построением, „принципом“, выделявшим один, правда, очень важный элемент из общей связи и получавшим поэтому совершенно искаженное представление.

Не менее характерным является заблуждение другого выдающегося военного француза Лонглюа, творца тактики легкой артиллерии, всю жизнь отрицавшего тяжелую артиллерию. Благодаря его влиянию Франция вышла на войну без тяжелых пушек.

Единая военная доктрина. Вредное влияние старой школы усугублялось еще тем, что борьба массовых армий требовала однообразия в действиях отдельных людей, с тем, чтобы было можно объединить усилие миллионов бойцов и тысяч машин; это однообразие можно было достичь тем, что в армии вырабатывали так называемую „единую военную доктрину“.

Фош в своей книге: „О принципах войны“ так определяет это: (стр. 17 и 21) „из одинакового способа смотреть на вещи явится прежде всего такой же способ их видеть; из общего способа видеть вытекает одинаковый прием действий, который становится инстинктивным, в практической же части наших занятий обнаружится то, что мы называем доктриной или интеллектуальной дисциплиной, т.-е. одинаковый способ смотрения на вещи, вытекающий из одного и того же объективного приема подходить к предмету и затем из общего приема решения вопроса“. Такой же прием обучения в армии был принят и в других армиях, особенно германской, гордив-

¹⁾ Фош „О принципах войны“, стр. 13 и 15.

²⁾ Драгомиров „14 лет“. Статьи: „Армейские замски“, стр. 184. „Медведь“. Предисловие к статье „Муштровка или воспитание“ и т. п. Драгомиров делает примечание к статье „Медведь“, что он не отрицает усовершенствованное оружие, а только неумелое с ним обращение. Но если взять ряд статей и общий их тон, то ясно видно желание показать, что не в скорострельности спасение, а в духе бойцов.

шейся выработкой единой военной доктрины. Но любопытно посмотреть, что из этой мысли, верной в той части, где говорится о необходимости добиться единства действий, получилось при безоговорочном приложении ее к жизни, к подготовке войск. Вот, что пишет француз:

„Наши, т. е. французский генеральный штаб полагал, что он добьется объединения усилий, выливая все умы по одной форме, предписывая им всем одни и те же убеждения, таким образом, чтобы никакое расхождение не приводило к риску разъединения усилий. Для этого пришлось принять определенное представление о войне, составить ее абрис, нарисовать ее лицо; но это представление вещи, которую не знают, которую невозможно знать, по необходимости условно“¹⁾.

Мозер²⁾, немецкий автор, пишет: „Стратегическая подготовка генерального штаба страдала от преувеличенной, подавляющей прогресс, а потому сомнительной веры в прежних больших прусских полководцев и военных теоретиков; но еще больше вредило опасное заблуждение, выражающееся во мнении и учении, что будто бы существует рецепт и тайна победы, что немецкий генеральный штаб является исключительным обладателем, как наследник Шлифена эти вера и мнения не только привели немецкую прессу и литературу перед войной к духовному рабству, но, что еще хуже, к подавлению военных личностей, имевших самостоятельное суждение.

Действительно, яркий расцвет военной мысли, если судить по числу написанных книг, военных журналов, военных обществ, в действительности был сравнительно узким потоком, державшимся в определенных рамках официальной доктрины, где независимая мысль редко могла пробить себе дорогу.

Единство усилий, одинаковое понимание, общая точка зрения — доктрина — были достигнуты, но, как мы видели, слишком дорогой ценой. Все одинаково смотрели на войну, но видели не ту войну, которая будет. Шлихтинг тревожно, но напрасно предупреждал: . . . „не превращать в тиранию предоставленную начальнику власть; не закрывать дорогу самостоятельному мышлению, что составляет особо трудное и ценное искусство в нашем сословии, которое, с другой стороны, основано на добродетели безусловного подчинения. Большие и малые начальники

¹⁾ Emyle Mayer „Autour de la guerre actuelle“, стр. 38.

²⁾ Мозер „Краткий стратегический очерк мировой войны“, стр. 27.

достаточно часто пренебрегают этим и хоронят самостоятельность”.

Напрасно призывал Фош к „развитию свободного ума, отсутствию предрассудков, идей, не подлежащих дальнейшему развитию, мнений, составленных без всестороннего обсуждения”. Раз была признана и проведена его другая мысль об „интеллектуальной дисциплине”— армия стала похожа на лошадь, которой одели шоры.

Например, в рамках маневренного сражения французская артиллерия, воспитанная в идеях Лонглюа, была одной из лучших боевых организаций в мире. Но окоп и проволока во время Англо-Бурской, а особенно Русско-Японской войны перевернули характер сражения. Между тем, исходя из одной точки зрения — метафизического разделения маневренной и крепостной войны (а что такое было Мукденское и ранее Плевенское сиденье, как не часть маневренной войны) и следуя общими всем методу (отсутствие технического расчета и предвидения) — вся французская артиллерия ошибалась, вместе с Лонглюа, отрицала значение тяжелой артиллерии и мечтала о введении для борьбы с ней пушки „пом-пом” калибра 2-х дюймов со скоростью стрельбы в 60 выстрелов в минуту; эту пушку никто не мог построить, но тяжелая артиллерия все же была отвергнута.

Те же явления, но в еще большей мере наблюдались и в старой русской армии.

„Старая Россия не давала хода военному таланту, пишет Радус-Зенкович, сбрасывая с рутинной, чиновничьей дороги все то, что хоть сколько-нибудь не мирилось с обыденщиной и пробовало проявлять творчество в своем деле”.

Вспомним, как в старой Военной Академии России Головин и его друзья, несомненно передовая, энергично работавшая группа, были отодвинуты от активной учебной работы и отправлены командовать полками в провинцию. Той же участи подвергся Новицкий и другие.

Все головы были обрублены по одному лекалу, а слишком сильные выброшены из армии; оригинальная и творческая мысль замолкла.

Когда мы говорим об армии старой России, а в особенности о том идейном наследии, которое она передала Красной армии, необходимо отмечать в ней два резко отделенных один от другого течения.

Одно — руководимое старшим поколением в армии — создало на первый взгляд стройную и вполне законченную теоретическую постройку. Целый ряд крупных имен — Леер, Михневич, Драгомиров и др. — своими трудами возвели и закрепили ее; но когда их ученики — старшее поколение: генералитет — стали применять ее на войне, то своими неудачами

они заставили отнестись к ней с величайшим недоверием. Война и революция разрушили старую армию. Но теория военного дела, ею созданная, в головах людей и литературе осталась; в ней было много ценного, наряду с тем много явно вредного, принесшего глубочайший вред старой армии; ошибки в подготовке были одной из причин ее тяжелых поражений и неполных побед. Новая теория создавалась на войне. Другой слой людей ее создавал; они молодыми офицерами пошли на Японскую войну, вынесли на себе всю тяжесть и унижение поражений и вернулись с горячим желанием обновления армии.

Многие из этого слоя влились потом в ряды Красной армии, и то лучшее, что было выработано во время мировой войны, они принесли с собой. Но практика нового не была теоретически разработана и закреплена научно. Вот почему нужно резко указать недочеты старого и так же резко от них отмежеваться.

Искусство
управления
войсками.

Все армии Европы были в большей или меньшей мере затронуты этой мертвящей догмой. Но рядом с этим течением все время была живая жизнь. Военная мысль все время проверялась кровавым опытом войн. Бюлов и его ученики потеряли всякий авторитет после неудач похода 1812 года. Кампания 1866 года заставила критически отнестись к „принципам“ Клаузевица. Выдающаяся по своему значению группа офицеров генерального штаба в Пруссии устами Верди-дю-Вернуа довела реакцию против теоретизирования до своего логического конца. Она предлагала выбросить „к чорту историю и принципы“.

Люди не отдавали себе отчета, почему „общие идеи“, теория не оправдывались в жизни. Корень зла таился не в том, что теория не может охватить войну, а в том, что теорию, созданную в одной обстановке и установившую свойства и связь явлений и фактов одной эпохи, считали самодовлеющей силой. Между тем никакой „природы“ вечной, на все времена, кроме нескольких афоризмов, общих всем видам борьбы, нет. И когда немецкие генералы шли в 1866 году (см. „Канни“ Шлифена) к Кенигрецу по приемам Наполеона то, с чем Мольтке так упорно и так тщетно боролся, они жили идеями давно умершими, заставляли войска нести совершенно несоразмеримые потери и терпеть лишние тяготы; отсюда росла реакция против мертвых формул, шаблонов, неизменно проваливавшихся при всяком соприкосновении с действительностью; создалось течение, имевшее adeptов во всех армиях, отрицавшее всякую нормировку, всякую закономерность: считалось достаточным развить здравый смысл в голове военного, научить разбираться в обстановке и без всякого иного багажа пустить в плавание (школа